

ОБ ЭТИОЛОГИИ АФФЕКТОВ В «РИТОРИКЕ» АРИСТОТЕЛЯ

Во второй книге «Риторике» (II, 1, 1378a 20—23) Аристотель определяет «патос» следующим образом: «Страсти (τὰ πάθη) — все то, под влиянием чего люди изменяют свои решения, с чем сопряжено чувство неудовольствия (λύπη) и удовольствия (ἡδονή), как, например, гнев, сострадание, страх и все этим подобные и противоположные им чувства». ¹ Отсюда, как, впрочем, и из определения отдельных аффектов, видно, что «патос» тесно связан или, даже более того, мыслится как неудовольствие или удовольствие. Это вынуждает нас обратиться к тем страницам «Риторике» (I, 11), где трактуется понятие удовольствия. ²

Определяя понятие удовольствия как некое движение души и быстрое ее возвращение в свое природное состояние, Аристотель увязывает категорию удовольствия с предметом удовольствия (ἡδύ). Понятие неудовольствия выводится из противоположных посылок и тоже связывается с предметом неудовольствия (λύπηρόν). Далее идет перечисление разного рода приятного, к чему, между прочим, относятся также и различные виды подражания, где Аристотель подчеркивает знакомое нам из «Поэтики» положение о познавательной функции искусства. Связь между предметом удовольствия и удовольствием осуществляется посредством желания (ἐπιθυμία). Правда, как и в других случаях, «желание» не является категорией совершенно абсолютной, но достаточно частотной, чтобы видеть в ней элемент структуры особой важности. Все желания Аристотель разделяет на иррациональные (ἄλογοι) и рациональные (μετὰ λόγου). К числу иррациональных он относит желания естественные, производимые телом, как голод, жажда и т.п., а также желания, связанные с предметами вкуса, сладострастия, осязания, обоняния, слуха и зрения. Этому роду желаний философ отказывает в образном мышлении (μὴ ἐκ τοῦ ὑπολαμβάνειν), и они вообще мало его занимают. Большой интерес представляют желания

рациональные. Во-первых, оказывается, что они являются результатом убеждения (ἐκ τοῦ πεπεισμένοι) или общего мнения, ибо «мы жаждем увидеть и приобрести многие вещи, о которых мы слышали и в приятности которых мы убеждены» (I, 11, 1370a 26—27). И, во-вторых, это убеждение рождает слабое ощущение претерпевания (πάθος), которое Аристотель определяет как представление (φαντασία), вызываемое непосредственным ощущением, припоминанием и надеждой. Таким образом, выводя рациональное удовольствие из представления объекта желания, Аристотель опосредует то и другое термином «желание». Как в специальной главе об удовольствии, так уже и в предварительных общих замечаниях 10-й главы первой книги (I, 10, 1369a 2—3) философ сводит понятие желания (ἐπιθυμία) к понятию стремления (ὄρεξις). К сожалению, эти слова у Аристотеля терминологически неустойчивы. Когда он разделяет все стремления на разумные и неразумные, то ὄρεξις, по-видимому, следует понимать как синоним ἐπιθυμία, но когда говорится, что «неразумными стремлениями являются гнев и желание» (I, 10, 1369a 4), то ἐπιθυμία, вероятно, имеет более узкое значение — плотские желания.

Термин ὄρεξις — наиболее абстрактное понятие из имеющих отношение к «удовольствию» и несет в себе смысл движения. Если же помнить о том, что удовольствие есть благо, «потому что все живое стремится в силу своей природы к удовольствию» (I, 6, 1362b 3-4), то ὄρεξις оказывается понятием, аналогичным προαίρεσις,³ но уже на ступени аффектов.

Итак, структура «удовольствия» необходимо включает в себя представление (φαντασία) о предмете удовольствия (ἡδύ) и как результат представления — стремление (ὄρεξις) к удовольствию, из достижения или недостижения которого рождаются различные аффекты (πάθη), и затем следуют поступки (τὰ πραττόμενα). Поэтому теоретически все аффекты могут быть сведены к удовольствию или неудовольствию. Но так как Аристотель не трактует собственно «неудовольствие», то важно отметить, что отсутствие зла и бедствия, т.е. всего неприятного (ἀλπηρόν), толкуется так же, как удовольствие и благо.

В трактате об аффектах, как Аристотель называет главы 2—11 второй книги своей «Риторике», большинство аффектов подпадает под понятие «неудовольствие» — λύπη τις ἢ πᾶραχῆ, другие не определяются этими терминами вовсе, но тем не менее оказываются с ними связанными. Особняком стоят аффекты «вражда» и «ненависть», которые Аристотель, сравнивая с «гневом», не относит к удовольствию или неудовольствию (4, 1382a 5—15). Если гнев, по мнению Аристотеля, врачуется временем, то ненависть неизлечима. Особенность этого аффекта состоит в том, что вражда и ненависть могут возникать и без того, чтобы объект этих чувств касался непосредственно носителя «патоса», т.е. здесь совсем не обязательна личная заинтересованность человека. Это тот случай, когда аффект индивидуума, чувствующего себя частью коллектива, направлен против ряда предметов и лиц. Отсюда «патос» получается очень стойким, долго незатухающим и имеет больший налет рационального, чем другие аффекты. Впрочем, ему подобен и противоположный аффект — «дружба» (φιλία), который связан с удовольствием / неудовольствием лишь косвенно. Приравнивая понятия вражды и дружбы к желанию (τὸ βούλεσθαι) и не указывая на λύπη/ἡδονή, Аристотель тем самым подчеркивает отсутствие повода возникновения чувств удовольствия / неудовольствия (II, 4, 1382a 9—12).

Пожалуй, лишь два аффекта имеют явное отношение к удовольствию — гнев и милость (φιότης). Причем первый, будучи амбивалентным, больше сопряжен с чувством огорчения, чем удовольствия. Удовольствие при аффекте гнева получается из представления возможности отмщения (II, 2, 1378b 1—2). Может быть, как раз в силу его амбивалентности и интенсивности Аристотель предпочитает «патос» ὄρη characterize как ὄρεξις, ибо он не сводится ни к λύπη, ни к ἡδονή. Парный аффект милость, выводимый из противоположных посылок, появляется в условиях утления гнева и имеет своей непосредственной причиной обстановку радости, шутки, смеха и т.д., т.е. того, что именуется у Аристотеля словом ἡδύ. Отсюда ясно, что только один аффект из представленных философом может быть в какой-то мере

сведен к удовольствию, и лишь он один предназначен для смягчения слушателей.

Рассмотрение аффектов с точки зрения самой общей аристотелевской категории удовольствия / неудовольствия позволяет заключить, что лишь часть аффектов трактуется как неудовольствие, остальные же в разной степени могут осознаваться или вообще не осознаваться в качестве удовольствия или неудовольствия. Аристотель отнюдь не умозрительно, но вполне эмпирически прокладывает путь к теоретическому обобщению, добросовестно указывая на факторы, не укладывающиеся в общую схему теории «патоса». Это особенно хорошо видно из способа исследования аффектов парами противоположностей: гнев—милость, дружба—вражда, страх—смелость, стыд—бесстыдство, сострадание—негодование. Четкие противоположения отсутствуют для аффектов благодеяния (χαρίς), зависти (φθόνος) и соревнования (ζήλος).

Ту же задачу, т.е. разыскание некоторых общих положений, ставит перед собой философ, разделяя характер причинности возникновения «патоса» (II, 3, 1380b 30—33). Феномен каждого аффекта объясняется тремя причинами и в соответствии с этим трактуется с трех точек зрения (на примере гнева): в каком состоянии люди гневуются (πῶς διακείμενοι οὐροὶ εἰσὶ); на кого они обыкновенно гневуются (τίσιν εἰώθασιν οὐρίζεσθαι); за что (διὰ τί). Совсем не случайно на первое место Аристотель выставляет причину πῶς διακείμενοι, иначе — πῶς ἔχοντες. Она в главных чертах представляет собой тот отправной пункт, который в очищенном виде мыслится как некая качественно определенная данность — «этос». Зависимость «патоса» от «этоса» бесспорна. Таким образом, «патос» выступает как своеобразная форма проявления «этоса».

Исследуя причину πῶς διακείμενοι, Аристотель в то же время рассматривает ее как субъект «патоса». Подверженными гневу в конечном счете оказываются люди, обладающие богатством, могуществом, властью, доблестью и молодостью. Люди же гордые, пренебрежительные и дерзкие — такими их делают, по Аристотелю, внешние блага — не подвержены страху. Им же свойственна и смелость. С «состраданием»

связаны такие качества, как зрелость, трусость, образованность, немужественность вообще. Негодовать склонны люди, заслуженно обладающие благами, а также люди честные, серьезные и честолюбивые. Тут же отмечается, что негодование не свойственно людям с рабской душой и людям низким и нечестолюбивым. Завистливой считается категория людей высокопоставленных и счастливых, честолюбивых и славолюбивых, мудрых и удачливых, а также людей малодушных. Аффект соревнования ставится в зависимость от качеств молодости, величия души, богатства и власти.

Интерес представляет вопрос о нерегулярности действия причины πῶς διακείμενοι и о неупоминании «этоса» вообще. Эта причина, в частности, отсутствует при аффектах дружбы, вражды, ненависти и благодеяния. Это как раз те аффекты, которые мы ранее характеризовали как наиболее рациональные. Дело в том, что на первый план здесь выступает не «этос» субъекта, а «этос» объекта. Потому-то Аристотель не скупится на характеристику тех, по отношению к которым направлен «патос». Так, в связи с аффектом дружбы перечисляются такие свойства, как щедрость, мужественность, справедливость, скромность, добродетельность и добрая слава. Позитивный подход к носителю «патоса» делает очень сильным звучание этического момента. Что же касается недостаточного внимания к «этосу» при трактовке аффектов, то объяснение этому может быть следующее. «Этос» при детальном обследовании «патоса» становится очень уж широкой и абстрактной категорией, с помощью которой можно было бы раскрыть глубинный механизм зарождения и действия «патоса». Поэтому философ прибегает к более дробным и конкретным понятиям, позволяющим нагляднее представить носителя «патоса». К такому понятию относится непосредственная причина или повод возникновения аффекта. Так, например, аффекту гнева способствуют обстоятельства, время и состояние. Сюда Аристотель причисляет больных, голодных, влюбленных, жаждущих, ведущих войну, вообще всех, не имеющих возможности удовлетворить желание (II, 2, 1379a 25—27). Все это он сводит к одному понятию — «патос», но уже в другом значении, а именно

как страдание в собственном смысле (II, 2, 1379a 15—23). Вообще следует подчеркнуть, что «патос» в этом последнем значении играет существеннейшую роль как по отношению к субъекту аффекта, так и в качестве его объекта. Важнейшее значение приобретает «патос» (в значении «страдание») в его объектном аспекте при аффектах страха и сострадания. Уже в определении «страх» характеризуется как ожидание бедствия, могущего причинить гибель или большую печаль. Еще сильнее выступает причина «страдание» при трактовке аффекта сострадания (II, 2, 1386a 5—11).

Непосредственной причиной возникновения аффекта, близкой к «состоянию» и «страданию», является еще и «способствование» (ποικία). Зарождению дружбы способствует благодеяние, вражды — гнев, оскорбление, клевета (II, 4, 1382a 2—3). Сюда же относятся внешние обстоятельства: при аффекте милости — шутка, смех, праздник, счастье, успех и подобное; при аффекте смелости — обстоятельства, внушающие смелость; при аффекте сострадания — допущение возможности пострадать. Наконец, к этому же случаю следует причислить «подобие» (τὸ ὅμοιον) — очень широкое понятие, заключающее в себе смысл человеческой типологии по некоторым общим сходным признакам, под которое подпадает также и «этос». С «подобием» мы встречаемся при исследовании аффектов стыда, сострадания и зависти (II, 6, 8, 10). К подобным Аристотель относит людей, находящихся в равных условиях, — единомышленников, сограждан, сверстников, родственников и людей, равных по возрасту, характеру, способностям, положению, происхождению, славе, имущественному состоянию. Нечего и говорить, что этому понятию придается важнейшее значение при возбуждении указанных аффектов. Так, уже при определении «зависти» именно подобие выставляется в качестве перво-причины, а к состраданию и негодованию способными именуется люди, остро чувствующие справедливость в первом случае и несправедливость — во втором. Сострадание и негодование Аристотель прямо относит к проявлению хорошего «этоса» (II, 9, 1386b 12—13). Этически также окрашены противопологаемые один другому аффекты сорев-

нования и зависти. Первый характеризуется в качестве хорошей эмоции, возникающей у хороших людей, второй — наоборот (II, 11, 1388a 35—36).

Причины τίσιν и διὰ τί, представляющие собой объект аффекта, трудно отделить одну от другой. В целом объект «патоса» можно разделить на лицо и предмет или действие и обстоятельство. Что касается предмета аффекта, то он четко связан с категорией удовольствия / неудовольствия. Нам уже приходилось говорить, что не все аффекты связаны с этим понятием, ибо в этом случае отсутствует сам предмет удовольствия / неудовольствия. Очевидно, что фактор διὰ τί при анализе таких аффектов должен также отсутствовать. В самом деле, мы его не находим при аффектах дружбы, вражды, ненависти и благодеяния. Они исключительно связаны с лицом аффекта. При аффектах сострадания и страха, напротив, на первое место выступает предмет аффекта, т.е. упор делается на причину διὰ τί. И даже тогда, когда речь идет о лице, по отношению к которому направлен аффект (τίσιν), он осознается больше как διὰ τί. Момент человеколюбия, который хорошо ощущается при аффектах дружбы и благодеяния, отступает здесь на задний план. Исключения не составляет и «сострадание», которое, как и «страх», связывается с представлением о зле, гибели и вреде, могущими угрожать нам самим. Говоря иначе, сострадание к другому, находящемуся в бедственном положении, не возникает само по себе, но лишь в связи с тем, как страдание другого затрагивает самого носителя «патоса». Потому-то здесь в первую очередь исследуется объект аффекта и именно со стороны предмета (действия), внушающего сострадание и страх.⁴

Доказательства с помощью аффектов, по Аристотелю, всецело зависят от слушателя,⁵ т.е. от его настроений, под влиянием которых он принимает решение, так что задача оратора, если помнить о триединстве элементов речи — оратор—дело—слушатель, заключается в возбуждении или, наоборот, уничтожении эмоций, имеющих своим объектом носителя действия (I, 3, 1358a 37—39).

Итак, едва ли можно говорить о жесткой подчиненности элементов структуры аристотелевского «патоса». Уж слишком многообразными и даже разнородными оказываются

проявления человеческих чувств. Однако следует учитывать, что, систематически излагая причины возникновения аффектов и логически упорядочивая сферу иррационального, Аристотель преследовал вполне конкретную цель — дать в руки практическому оратору предпосылочный материал или общие места (τότοι) для ведения риторической аргументации.

Примечания

¹ «Риторика» цитируется в переводе Н. Платоновой по кн.: Античные риторика. М., 1978.

² Изучению аффектов в «Риторике» посвящает главу своей книги А. Хелльвиг (Hellwig A. Untersuchungen zur Theorie der Rhetorik bei Platon und Aristoteles. Göttingen, 1973. S.233—250). Следует, однако, отметить недостаточное внимание автора к категории удовольствия, которую он числит в одном ряду с подчиненными элементами общей структуры «патоса». Между тем центральным понятием удовольствия и именно в связи с аффектами предстает уже в более ранней «Поэтике»; см.: Sch ad e w a l d t W. Furcht und Mitleid? // Hermes. 1955. Bd LXXXIII. S.129—171.

³ Подробнее см.: Вальченко В. В. ἦθος в «Риторике» Аристотеля // Вестник древней истории. 1984. № 2. С.37—59.

⁴ В «Поэтике» (IX, 1452a 1; XIII, 1452b 30; XIV, 1453b 1—7; XIX, 1456b 2—5) Аристотель, говоря о страхе и сострадании, также подчеркивает примат действия причины διὰ τῆ. Чувства страха и сострадания возникают не столько из-за страдающего героя, сколько вследствие страдания героя. Эти два «патоса» трактуются в «Поэтике» вполне риторически.

⁵ Нет свидетельств того, что аффект может быть направлен по отношению к произносящему речь. В этом смысле некорректны ссылки А. Хелльвига (Hellwig A. Untersuchungen zur Theorie der Rhetorik bei Platon und Aristoteles. S.244) на Rhet. II, 3, 1380b 32; II, 4, 1382a 16; II, 7, 1385a 32.